

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОТЦЫ
В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ЭТИКЕТЕ
XVIII века

Дмитрий Полонский
(Москва)

Р. Г. Лейбову — отцу, учителю, мыслителю

Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет.

«Капитанская дочка»

Положения, в которых люди называли и называют своими *отцами* и *матерями*, *батюшками* и *матушками* лиц, таковыми не являющихся, настолько распространены и имеют такую давнюю историю, что могут восприниматься как однообразные проявления всем привычной и не заслуживающей интереса социокультурной конвенции. Широкое поле употребления терминов родства по отношению к неродственникам нередко сливается для носителя языка в однородную статическую картину, затрудняющую возможность разглядеть полутона и оттенки в русском речевом поведении.

Так, на первый взгляд может показаться, что ситуации, в которых *отцом* холопы называют барина, а солдаты — командира, в отношении словоупотребления вполне однотипны. Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что за таким словоупотреблением кроется разный генезис и различные прагматические сценарии. Кажущаяся абсурдность известного положения, когда в обращениях слуги *отцом* и *батюшкой* одновременно оказываются и барин, и барское дитя (как, например, старший и младший Гриневы для Савельича), притом что слуга может превосходить возрастом обоих, объясняется тем тривиальным обстоятельством, что это обращения к представителю властного рода, и именно поэтому *батюшкой* крепостные называют каждого несовершеннолетнего представителя барской фамилии, едва он обнаруживает способность к речевой коммуникации. В отношении же воинских командиров, будь то лермонтовский «отец солдатам» или современный «батяня комбат», явившийся из песенной речевки Шаганова, мы имеем дело не с этикетным обращением, а с заочной характеристикой, происхождение которой определяется не принадлежностью к роду или клану, а личными заслугами конкретного военнослужащего, удостоенного от войскового «братства» своеобразного почетного звания.

Способы и формы общения людей друг с другом представляются более интересными, чем их заочные характеристики, поэтому настоящие заметки не претендуют на сколько-нибудь полный охват темы распространения терминов родства на неродственников, которой на русском материале можно уделить если не книгу, то, во всяком случае, большую брошюру. Понятно, что здесь отчасти пересекаются предметы исторической лексической семантики и истории словоупотребления. На фоне растущего интереса исследователей к первой из названных областей знания (см., например, замечательные сборники [Очерки], [Понятия] и [Эволюция]) вторая область, которой, кажется, повезло существенно меньше, оказывается в проигрышном положении. Такое состояние дел не кажется мне справедливым, поэтому далее сосредоточусь в основном на истории словоупотребления, постаравшись описать некоторые аспекты этикетного

поведения, встречающиеся в эпистолярных текстах XVIII века, и демонстрируемые содержащимися в письмах формулах обращения к адресатам.

I. *Виртуальные отцы и номинальные батьки*

Примеры частно-деловой переписки служилых людей второй половины XVII — первой четверти XVIII века показывают, что именованная *отцом* либо *батькой* адресата, к покровительству которого пытается прибегнуть адресант, сосуществуют в светском эпистолярном этикете этого времени на разных уровнях социальной иерархии, причем сосуществуют параллельно, практически как синонимы. Например, в XVII в.¹ помещик Иван Яковлев начинает письмо фразой «Милостивый мой государь батька Федор Иванович», обращаясь к более процветающему землевладельцу Ф. Янову и прося его купить пару «недорогих лошадей, каких ни будь» [Борисов: 48]; точно так же *батькой* называет ближнего боярина и главу Посольского приказа В.В. Голицына псковский воевода Петр Головин, обратившийся с «челобитьишком» об оказании «милости» своему приятелю [Беляев: 51]. Другой ходатай, Петр Измайлов, желающий, дабы Голицын «унимал» его «безпомошных и беззаступных ребятишек... Ваську да Андрюшку... от всякого дурна, чтобы жили посмирнее», называет адресата *отцом*: «Пожалуй, Государь милостивой мой отец Князь Василей Васильевич обрадуй меня убогова, вели ко мне писать о своем многолетнем здоровье...» [Там же: 51–52].

Эпистолярное обращение *батька* еще остается употребительным почти все время петровского царствования по отношению к покровителю (или потенциальному покровителю): например, так называют адресатов своих писем поручик, будущий знаменитый историк В.Н. Татищев, обращаясь к полковому командиру А.И. Иванову («Милостивой мой государь, батка Автомон Иванович, здравие твое государя моего, да сохранит десница вышнего Бога на лета многа... Да просим у тебя государь милости, прикажи отписать в Смоленск через почту, чтоб драгуном дать правянтю для того, что взять негде...») [Астраханский: 214–216; 1708]; инициатор введения в России гербовой бумаги, архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов — к царскому кабинет-секретарю А.В. Макарову («Премилостивейший мой государь, батка. Аще ты мя в моем сиротстве оставиши, то уже не имам, от кого искать помощи...») [Серов: 189; 1713]; атаман Войска Донского Максим Фролов — к А.Д. Меншикову («Пожалуй, государь мой и батко, светлейший князь Александр Данилович, подай руку помощи и заступи великому государю о самых моих нынешних крайних нуждах...») [Соловьев: 515–516; 1716].

Стремление представить себя в глазах адресата маленьким человеком, припадающим к коленям родителя, демонстрировали в письмах царскому фавориту, происходившему «из породы самой низкой, ниже шляхетства»², даже старшие его по возрасту представители старинных дворянских родов:

Светлейший князь, милостивый мой патрон. Вашей светлости моего милостивого отца и благодетеля письмо с приложенною копию с другим разговором из Санкт-Петербурга июля от 30 я здесь настоящего августа 16 числа сохранным получил, за которую вашу отческую милость приношу мое низжайшее поклонение и долженствую служить до последнего моего живота... (глава Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксин — А. Д. Меншикову, 1716 [Соловьев: 615]).

Мой милостивый отец и государь, во все свое время благодетеля и милостивого своего патрона иного я не сыскал, как вашу светлость, и хотя я в верности вашей не первый ваш слуга, однакож и не последний, в чем изволите сами признать, и в надежде вашей патронской отческой милости прошу во всех случаях и в обидах меня не оставить... (киевский губернатор Д.М. Голицын — А.Д. Меншикову, 1717 [Там же]).

¹ К сожалению, цитируемые ниже письма XVII в. точно не датированы.

² Характеристика А.Д. Меншикова, данная кн. Б.И. Куракиным [Архив Куракина: 76].

Именованье адресата *отцом* функционировало в русском эпистолярной первых двух десятилетий XVIII века наряду с обращением *батюшка* и употреблялось светскими служилыми людьми различного социального статуса, в том числе и в провинции. Так, наместник Пустозерска Матвей Жданов оформлял свое прошение упомянутому выше архангелогородскому вице-губернатору А.А. Курбатову (1713) следующим образом:

Премилостивейший наш государь, патрон и отец, премилосердный А[лексий] Александрович... По сем смея и не смея, обаче надеждою на неотемлемую Вашего превосходительства отеческую милость дерзаю просити Ваше милосердие, милосердаго нашего государя-отца... [Бегунов: 230, 233].

Такое именованье не обязательно помещалось в формуле обращения-приветствия, но могло фигурировать в казуальной части либо финальной фразе письма, например, как в письмах директора Московского печатного двора Федора Поликарпова главе Монастырского приказа И.А. Мусину-Пушкину (1710):

...о сем донося вам моему милостивому отцу остаюсь раб всегда послушнейший Поликарпов» [РГАДА. Ф. 381. Д. 423. Л. 115. № 59].

...пожалуй мой милостивый отец, хотя единою строчкою о всем обрадуй меня» [Там же. Л. 117. № 60].

Существенно, что для обращения *отец* характерно иное словоупотребление, чем для *батюшки*: *отец* в этикетных формулах частно-деловых писем русских служилых людей нередко сочетался с *патроном* или/и *благодетелем*, что образовывало усиленную двух- либо трехчастную конструкцию, тогда как обращение *батюшка* могло соседствовать в известных мне письмах исключительно с именованьем адресата *государем*. Формула, сочетающая *патрона* и *батюшку*, мне не встретилась ни разу, — по-видимому, в эпистолярной того времени допустимой она не представлялась.

Слово *отец* могло употребляться не только как обращение, а приобретать роль подобия титула, почетной характеристики, фигурировавшей при упоминании высокопоставленного лица в письмах другим корреспондентам. Например:

...прошу Вашу ж милость, моего государя, оному ж милосердому нашему государю, отцу и патрону... дабы оный наш государь, отец и патрон, не благоволил поверити... (М. Жданов — архангелогородскому дьяку И.А. Хрипунову о вице-губернаторе А.А. Курбатове, 1713 [Бегунов: 247]).

По моим наблюдениям, в 1720-е годы обращение *батюшка* постепенно выводится за рамки светского эпистолярного этикета. Как можно думать, *отцы* вытесняют *батек* из употребительных у дворянства эпистолярных формул потому, что слово *отец* получает особый статус в официальной монаршей титулатуре.

Это было связано с принятием Петром I 22 октября 1721 года императорского титула, когда монарх, как сообщал Акт поднесения ему почетного звания, «Всероссийское Государство в такое сильное и доброе состояние, и народ свой подданной в такую славу у всего света чрез единое токмо Свое руководство привел», что Сенат и Синод «именем всего народа Российскаго» обратились к царю с прошением принять «от них титул: Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» [ПСЗРИ VI, № 3840]. В известной работе детально рассмотрены обстоятельства появления Акта, его редакций и изданий, а также отмечено, что Петр предпочел аргументированный вариант документа, где наименование «Отцом Отечества» и «Великим» обосновывалось личными заслугами царя [Погосян: 220–226].

Примечательно, что первая составляющая трехчастной формулы титулования монарха использовалась как самостоятельное звание в официальном документе еще за несколько лет до принятия титула Петром. Так, она фигурирует в вынесенном 24 июня 1718 года приговоре царевичу Алексею, который, как пытались доказать составители этого документа, за «малоприкладное в свете, богомерзкое двойное родителей убивственное намерение, а именно вначале на государя своего, яко отца отечества, и по

естеству на родителя своего милостивейшего, таковую смертную казнь заслужил» [Соловьев: 182]. Вряд ли можно сомневаться, что приговор царевичу, как и Акт поднесения, были отредактированы лично Петром, который, вероятно, и был автором идеи привнесения в язык российской политики перевода древнеримской формулы *Pater Patriae*.

Как мы уже видели, утверждение Петра в качестве носителя нового титула не было абсолютной терминологической новацией для подданных. К тому времени, когда сформировался виртуальный образ «Отца Отечества», в эпистолярной дворянской культуре функционировало множество виртуальных *отцов* меньшего статуса и меньших властных полномочий. В этом смысле монарх, закрепивший за собой новый титул, поднесенный ему зависящими от него же мелкомасштабными *отцами*, становился *Отцом* над *отцами*, или всем *отцам* *Отцом*. Обращение *батька*, снижавшее (по сравнению с *отцом*) статус адресата ввиду того, что употреблявший его адресант не столько указывал на заслуги и покровительство, сколько претендовал на особую неформальную теплоту и доверительность отношений, оказывалось в условиях закрепления официальной монаршей титулатуры неуместным просторечием, если не бестактностью, и потому не получало возможности продолжить существование в дворянском эпистолярном этикете послепетровского времени.

Отцы же на протяжении всего XVIII столетия демонстрируют замечательную живучесть в русском эпистолярии. Так обращаются, например, П.И. Рычков к В.Н. Татищеву [Татищев: 361–362; 1741], М.В. Ломоносов — к И.И. Шувалову [Пекарский: 520; 1753]; племянники А.Г. Разумовского (в количестве пяти человек) начинают письмо дяде обращением «Сыятельнейший граф, прымногомылостивый отец и благодетель» [Васильчиков: 285–286; 1761], и т.д.

Поскольку обращение *отец* в эпистолярном этикете имеет функцию почетного титула, символизирующего покровительство и справедливость адресата, а автора прошения может отделять от него значительная социальная дистанция, то личное знакомство с адресатом не обязательно, и тогда виртуальное «отцовство» делегируется потенциальному вершителю судьбы заочно, в качестве аванса в надежде на положительное решение.

Так, «всенижайший проситель денщик Василий Банщиков», состоящий при подпоручике Челюскине, называя иркутского губернатора Франца Николаевича Кличку «высокомилостивейший государь и отец», и «ведая великодушие» адресата, просил «показать отеческое милосердие о определении меня в салдаты» [ПЗДП: 100–101; 1779], — вероятно, жизнь в качестве денщика при Челюскине довела человека до крайней степени отчаяния. В ином случае проситель использовал именование *отцом* директора «над Российским театром» В.И. Бибикова, изложив прошение к нему в рифму, — видимо, чтобы подчеркнуть свой творческий характер, как того требовало существо вопроса:

Милостивый государь мой, отец и благодетель
Василий Ильич, любящий правду и добродетель!
Санктпетербургская газета публике объявляет:
Если кто к Российскому театру в службу йтить желает,
Чтоб к Его Превосходительству явились
Ивану Перфильевичу и пред ним изъяснились,
Какую кто роль может играть —
Любителя, отца, тирана иль слугу представлять.
Я склонность и желание имею издавна
Представить слугу, отца или тирана...

.....

Вашего Высокоблагородия Милостивого государя и отца,
От усердного духа и чистого сердца
Филип Иванов слуга всепокорный,
Претих Молчальников, человек не вздорный,
Желающий быть в компании актер,

Люди, чувствительные к слову, вряд ли могли рассматриваемую этикетную практику воспринимать как достойную. О саркастическом и, кажется, брезгливом ее восприятии свидетельствует, на мой взгляд, эпистолярный памфлет — «Письмо, найденное по блаженной кончине надворного советника Взяткина, к покойному его превосходительству ***» [Фонвизин: 51–53]. Носитель говорящей фамилии, чиновник Артемон Взяткин, обращается к значительному (и тоже, как и адресант, вороватому) лицу «милостивый государь и второй отец». Как следует из содержания письма, Взяткин показывает себя циническим апологетом коррупции, а небывалая для реального эпистолярного этикета формула обращения свидетельствует, что низость персонажа усугубляется его слепотой и глухотой: надворный советник не видит и не слышит, что вторичность, характеристикой которой он дополняет льстивый виртуальный титул, этот титул обесценивает. Впрочем, адресат, удовлетворенно и покровительственно отвечающий корреспонденту [Там же: 55–57], возражений по этому поводу не имеет, то есть оказывается столь же глухим и слепым.

II. *Виртуальный отец притворяется сыном*

Символика «отцовских» и «сыновних» отношений, как известно, характерная для общения светского лица с духовными особами, в некоторых случаях приобретала отчасти парадоксальный вид: вельможа или иной светский покровитель и сам мог выступать в качестве номинального *отца* для священнослужителя. В эпистолярной петровской эпохе особенно откровенно эта особенность выражена в письмах к князю А.Д. Меншикову духовника многих членов царской семьи, архимандрита Варлаама (Высоцкого), служившего с 1709 г. игуменом Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском, с 1726 г. — настоятелем Троице-Сергиевой Лавры³. Впоследствии Варлаам стал духовником императрицы Анны Иоанновны, и отличился в ее правление доносом на архиепископа Тверского и Кашинского Феофилакта Лопатинского [Чистович: 12–13].

На разных этапах своей карьеры в 1715–1727 гг. Варлаам обращался к Меншикову «премилосердой мой государь отец и благодетель», «батюшко мой дорогой» и «высокосклонный благодетель и милостивый отец»⁴. Как показывают такие обращения, этикетная терминология патернализма в письмах духовного лица к светскому вполне могла сосуществовать в эпистолярной культуре Нового времени с традиционными практиками общения священнослужителя и христианина-мирянина. Вместе с тем, положение, при котором первый называл *отцом* второго, символизировала осознанную перемену мест между «пастырем» и «пасомым», и это обстоятельство можно рассматривать как признак существенного сдвига в жизни общества, где вследствие петровской церковной реформы православный иерарх оказывался неспособным выполнять свои обязанности без покровительства вельможи или хотя бы надежды на такое покровительство. Завершая одно из писем к Меншикову, Варлаам демонстрировал предельное подобострашие (пожалуй, как никто другой из известных мне священнослужителей, обращавшихся к царскому фавориту): «предав меня в ваше отца моего и государя моего хранение, униженно з... поклонением припадаю к стопам вашим от всего моего сердца»⁵.

Особенности писем Варлаама никак нельзя объяснить эпистолярным идиолектом, определяющим в его случае характер обращений духовного лица к светскому. Например,

³ Биографические сведения о Варлааме: [Леонид]; [Титов].

⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1141. Л. 3, 10, 16.

⁵ Там же. Л. 10.

более чем полвека спустя после писем Варлаама к Меншикову «высокомилостивым государем и отцом» называл в своих прошениях настоятель Успенского старообрядческого монастыря в Стародубье Никодим почти одновременно двух вельмож — князя Г.А. Потемкина-Таврического [Верховский: 7–8; 1781] и графа П.А. Румянцева-Задунайского [Там же: 10–11, 1783]. После кончины Никодима уже целый старообрядческий коллектив обращался по заданному настоятелем образцу к Потемкину, почти дословно используя содержащиеся в письмах Варлаама выражения и не делая этикетных различий между двумя *отцами* — скончавшимся духовным и живым светским:

... мы низжайшие возымели смелость, по приказанию своего отца (*т.е. Никодима. — Д.П.*), прибегнуть к стопам вашей светлости и просить вас, высококомилостивого государя и отца, принять нас убогих под свою опеку и покровительство, в разсуждении бедности нашей и сиротства... Вашей светлости всеусердный богомолец, Слободского Успенского монастыря казначей, убогий Виталий с братиею [Там же: 33; 1784].

Выражения, подобные отмеченным в письмах Варлаама, Никодима и братии, вполне позволяют понять, где эпистолярный этикет определяется стремлением подчеркнуть христианское смирение и благочестие пишущего, а где демонстрирует раболепие перед светским носителем власти, прямо отступая от евангельской заповеди («и отца не зовите себе на земли: един бо есть Отец ваш, иже на небесех» [Мф. 23:9]).

СОКРАЩЕНИЯ

ВОИДР — Временник Императорского общества истории и древностей российских
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [Собрание первое]. СПб., 1830.
РА — Русский архив
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные:

РГАДА

Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 1141.

Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии). Оп. 1. Д. 423.

Опубликованные:

Архив Куракина — Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890.

Астраханский — *Астраханский В.С.* «Милостивый мой государь, батка Автомон Иванович». Письма поручика В.Н. Татищева командиру Азовского драгунского полка думному дьяку А.И. Иванову. 1708 г. // Исторический архив. № 4. 2001. С. 214–216.

Беляев — *Беляев И. Д.* Письма к кн. В.В. Голицыну разных лиц, всего 45 писем // ВОИДР. 1852. Кн. 12. Разд. III. С. 33–54.

Борисов — *Борисов В.* Акты о быте помещиков и крестьян в XVII веке // ЧОИДР. 1859. Кн. 2. Отд. V (Смесь). С. 39–54.

ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Ред. А.П. Майоров; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.

Татищев — Василий Никитич Татищев. Записки. Письма 1717–1750 гг. // Научное наследство. Т. 14. М., 1990.

Фонвизин — *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. Т. II. М.–Л., 1959.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Бегунов — *Бегунов Ю.К.* Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII в. («Диурналь» и письма Матвея Жданова) // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 221–248.

Верховский — *Верховский Т.* Искание старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб., 1868.

Васильчиков — *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. I. СПб., 1880.

Леонид — [*Леонид (Кавелин), архим.*]. Архимандрит Варлаам, духовник императрицы Анны Иоанновны. Биографический очерк // РА. 1874. № 1. Стб. 568–580.

Очерки — Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Ред. В.М. Живов. М., 2009.

Пекарский — *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. II. СПб., 1873.

Петухов — *Петухов Е.В.* Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического Института кн. Безбородко. Киев, 1895.

Погосян — *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

Понятия — «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. В 2 т. М., 2012.

Соловьев — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М., 1993.

Серов — *Серов Д.О.* Строители империи. Новосибирск, 1996.

Титов — *Титов А.* Архимандрит Варлаам Высоцкий (из архивных дел XVIII века) // РА. 1901. № 1. С. 353–363.

Чистович — *Чистович И.А.* Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. СПб., 1861.

Эволюция — Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012.